DOI: 10.17976/jpps/2020.05.03

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ИТОГОВ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНИИ

С.В. Чугров

ЧУГРОВ Сергей Владиславович, доктор социологических наук, профессор МГИМО МИД России, главный редактор журнала "Полис. Политические исследования", Москва, email: new-polis@politstudies.ru

Чугров С.В. Переосмысление итогов Второй мировой войны в современной Японии. – Полис. Политические исследования. 2020. № 5. С. 22-45. https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.03

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31262 ("Современное переосмысление истории Второй мировой войны в Японии в контексте меняющегося политического ландшафта в Восточной Азии и национальных интересов России").

Статья поступила в редакцию: 15.07.2020. Принята к печати: 10.08.2020

Аннотация. 75-летие со дня окончания Второй мировой войны – рубеж, характеризующийся приходом поколений, у которых отсутствует личный опыт переживания войны, а также кризисом Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений. В фокусе этого исследования – процесс переосмысления итогов Второй мировой войны в Японии как часть наметившегося мирового тренда к разрушению общего, конвенционального понимания военного прошлого. Анализ нацелен на комплексное осмысление взаимовлияния смены модальности мышления и формирования новой конфигурации политических сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в том числе с точки зрения перспективы российско-японских отношений. Актуальность темы исследования заключается в том, что изменение восприятия военной истории в разных странах и появление конфликтующих друг с другом национальных нарративов – важный индикатор существующих и назревающих противоречий и кризисов в международных отношениях. В связи с этим особый интерес представляет изучение динамики восприятия проблемных моментов военного прошлого. Понимание существа этих метаморфоз может иметь прогностическую ценность и способствовать выстраиванию эффективного политического курса России на японском направлении в условиях усложняющейся геополитической реальности и нарастающей нестабильности в международных отношениях. Кроме того, существенно расширяется поле концептуализации политик фальсификации исторического прошлого за счет вовлечения в аналитический процесс восточноазиатских реалий. Результаты дискурс-анализа подтверждаются данными анкетирования 166 студентов Университета Сока (Токио) по проблеме отношения к итогам войны, а также данными полевых наблюдений автора в период работы в течение семестра (апрель – июль 2020 г.) в качестве приглашенного профессора этого университета. Автор приходит к выводу, что значительную часть молодых японцев, особенно когорты 20-летних, тяготит продолжающееся пребывание в "послевоенном периоде" в статусе "проигравшей нации", который напоминает об ответственности за Войну на Тихом океане. В сознании нации произошел "взаимозачет Перл-Харбора с Хиросимой и Нагасаки".

Ключевые слова: Россия, Вторая мировая война, Япония, США, Азиатско-Тихоокеанский регион, историческая память, общественно-политическое сознание, миропорядок, мировая политика, российско-японские отношения.

Вторая мировая война завершилась 75 лет назад, когда 2 сентября 1945 г. на борту крейсера “Миссури” была подписана безоговорочная капитуляция Японии. Национальное сознание японцев претерпело с тех пор трансформации, на которые некоторым нациям потребовались столетия.

Глубину психологической травмы предельно экспансивно отображают слова японского философа Танабэ Хадзимэ[1] в предисловии к книге “Философия как путь покаяния”: “Для меня очевидно, что вся наша страна, весь народ, ввергнутые в трагические и отталкивающие обстоятельства, должны вместе покаяться” [Танабэ 2019: 49]. Эта мысль о коллективной ответственности нации была высказана в апреле 1945 г., когда стало ясно, что Япония войну проиграла, но никто еще не мог и помыслить о разгроме советскими солдатами миллионной Квантунской армии и о том, что американские стратеги учинят над Хиросимой и Нагасаки. Вокруг понятия “покаяние” (яп. *дзангэ*) сломано немало академических и пропагандистских копий. Парадигма восприятия итогов войны, похоже, меняется на иную, которую, чуть спрямляя, можно обозначить так: “Да, часть вины за ее ужасы лежит на Японии. Но не меньше виноваты и державы-победительницы”.

Число трудов, выходящих в Японии по Второй мировой, поражает. Казалось, все уже сказано по узловым темам – освещению истории в школьных учебниках, визитам японских лидеров в храм Ясукуни, интерпретациям “нанкинской резни” и виктимной идентичности, но продолжается бум *memory studies*, и на фоне актуализации прошлого в глобальном публичном дискурсе[2] и использования большого нарратива Второй мировой в качестве ресурса психологического давления тускнеет перспектива окончания историографических войн в Восточной Азии.

Сравнение японского дискурса с китайским и корейским – это яркий пример “эффекта Расёмон” (*Rashomon effect*)[3], или того, как в послевоенном дискурсе XXI в. “появились альтернативные версии истории, вступившие в активный и очень непростой диалог как друг с другом, так и с общепринятыми представлениями... Стало ясно, что та единая Истина, о которой трубили или о которой мечтали ведущие представители эпохи Модерна, не существует по определению. Вместо нее имеется много разных истин, а правильнее – версий прошлого, которые необходимо учитывать для того, чтобы лучше понимать современность во всех ее проявлениях” [Шнирельман 2016: 102]. В том же ключе высказывается создательница концепта японской “культуры поражения” (*хайсэн-но бунка*) Хасимото Акико: “Я полагаю, что в Японии нет ‘коллективной’ памяти; скорее сосуществуют и соперничают за легитимность множественные воспоминания о войне и поражении в разных моральных матрицах” [Хасимото 2017: 5]. И тут хочется возразить на оба

[1] В статье соблюдается порядок (сначала фамилия, затем имя), принятый в советском и российском японоведении, а также транскрипция Е.Д. Поливанова, официально употребляемая и в российских вузах, и в дипломатических документах (*прим. ред.*).

[2] В основе моего подхода к исследованию лежит методология изучения исторической памяти М. Хальбвакса, “культурной памяти” А. Ассман, критического дискурс-анализа Н. Фэркло, культурных травм П. Штомпки и концепция Г. Тэджфела (*Fundamental attribution error*), а также методы, описанные в трудах по символической политике О.Ю. Малиновой и в монографии под ред. О.В. Гаман-Голутвиной и А.Н. Никитина [Современная политическая наука... 2019]. Есть и ряд интересных работ японоведов по военной памяти [Стрельцов 2015; Батакова 2017].

[3] *Rashomon effect* – феномен, получивший название по фильму Куросавы Акиры (1950 г.) “Ворота Расёмон”, снятого по мотивам рассказа Акутагавы Рюноскэ “В чаще”. Пять персонажей излагают разные версии преступления, веря, что говорят чистую правду.

суждения российского и японского экспертов. Единого нарратива нет, но есть некий общий тренд, общий стержень, общий метанарратив, который скрепляет разные дискурсы и определяет коллективную идентичность.

Автору предстоит выяснить, имеют ли место попытки "обнулить итоги Второй мировой войны" в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) на примере японского кейса. В чем их специфика? Являются ли взаимоисключающие версии прошлого деконструкцией мировой системы, предшествующей началу следующего исторического цикла и образованию нового миропорядка?

Цель этого исследования – зафиксировать основные параметры трансформации исторической памяти японцев, опираясь на дискурс-анализ новейшей японской научной и публицистической литературы, а также онлайн-опрос студентов японского университета Сока по проблемам военной памяти, проведенный в мае-июле 2020 г.[4]

ПОЧЕМУ СЕЙЧАС? "ПОНИМАНИЕ ИСТОРИИ" В ЯПОНСКОЙ ОПТИКЕ

Начался обратный отсчет радикального пересмотра взгляда на войну и послевоенный период. Почему именно сейчас?

Во-первых, действуют закономерности отхода от глобализма к глокальному и далее к локальному мироустройству, мир "дробится" на государства-нации и регионы с расходящимися интересами и, соответственно, своими частными интерпретациями истории.

Во-вторых, в фокусе политических и идеологических противоречий "оказывается уже не будущее, мыслившееся ранее как вполне подвластное человеческому действию, но прошлое, которое сегодня мыслится как незавершенная, открытая для различных интерпретаций система, способная менять свой смысл" [Федорова 2020: 38].

В-третьих, повсеместно вспыхивают военные и гибридные конфликты, разрушая Ялтинско-Потсдамский миропорядок, на Западе появляются новые, подчас фейковые, военно-исторические нарративы, фальсифицирующие историю в откровенно русофобской тональности – к примеру, мимикрирующий под критику тоталитарных режимов миф о "равной вине" Гитлера и Сталина.

В-четвертых, мировая война становится явлением хрестоматийным и "историко-литературным". Мир погружается в иную реальность и, что не менее важно, видится новым поколениям сквозь оптику совсем иной исторической памяти (об этом см. ниже анализ опроса студентов).

В японском дискурсе вокруг "военного прошлого" мое внимание привлекла книга писателя-документалиста Хосака Масаясу "Каково 'отношение японцев к войне'", который отмечает, что в Японии принято отмечать годовщины войны в годы, кратные десяти, – 50, 60, 70. Однако прошлый, 70-летний рубеж отличался от предыдущих: "Неизвестно, – вопрошает автор, удастся ли кому из ветеранов дожить до следующей юбилейной даты", и не исключено, что, "когда наступит 80-летний рубеж, война окончательно превратится из события жизни нынешнего поколения в факт истории" [Хосака 2016: 8-9]. Редеют ряды и первого послевоенного поколения, пережившего тяготы

[4] Мною был проведен анонимный онлайн-опрос 146 студентов Университета Сока (префектура Токио, г. Хатиодзи) в возрасте от 18 до 25 лет по интранет-сети, а также именное голосование 20 студентов в ходе одного из семинаров на платформе *Zoom* (действовал режим самоизоляции). Анкета была утверждена имеющимся у автора протоколом университетской Комиссии по этике научных исследований при Ученом совете и была открыта для студентов с 18 мая до 23:55 токийского времени 18 июля 2020 г. Результаты представлены в табл. 1-3.

послевоенной разрухи, которые помнят отголоски той войны по приметам детства и рассказам родителей. Им на смену пришло "поколение постпамяти"[5] – потомков носителей травматического опыта, а военная память приобрела диахронический характер, что способствовало конструированию самоидентификации на базе символов, связанных с войной.

Концепт "понимания истории" (*рэкиси нинсики*) [Ямадзаки 2019; Хасимото 2017], в рамках которого обсуждаются проблемы, связанные с событиями 1931-1945 гг., пришел в Японию из корейского языка в 1990-х годах. Пионером была "Асахи", которая начала публиковать статьи на эти темы, превратив их из исторических в политические. В 2000-2009 гг. дискуссии стали более драматичными из-за того, что, во-первых, с начала XXI в. в мире произошли кардинальные изменения в понимании сути войны, колониального правления, прав человека, а во-вторых, противоречия в регионе, связанные с войной и японским колониальным режимом, которые в 1970-х годах успешно решались в рамках Сан-Францисской системы, с 1980-х годов потребовали новых подходов [Онума 2015: iii-iv].

Нынешний накал споров "о вине" и ответственности за войну уходит корнями в период оккупации Японии. США и Великобритания, в отличие от германского кейса, максимально отстранив Советский Союз от принятия решений по демилитаризации, сосредоточили весь контроль в своих руках. Согласно рассекреченным документам, генштабисты США в деталях разработали "Информационную программу военной вины" (*War Guilt Information Program – WGIP*) [см. Камидзима 2019]. Приведем пару примеров из документа, формулирующего цели третьего этапа программы (1948 г.): "Противодействовать нынешнему и/или предполагаемому отношению со стороны некоторых японцев, которые интерпретируют бомбардировки Хиросимы и Нагасаки как зверства и полагают, что американские реабилитационные проекты в Хиросиме должны осуществляться в виде искупления... Подчеркивать тему 'военной вины' в регулярно запланированных радиопрограммах"[6].

Таким образом, массовое сознание в Японии было искусно доведено до посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), "синдрома проигравшей нации", который в наше время также именуют "вьетнамским" или "афганским" синдромом. Перемены в массовом сознания последних двадцати лет связаны с желанием нынешнего "поколения постпамяти" избавиться от навязанного "синдрома проигравшей нации".

ПОЧЕМУ ТОКИЙСКОМУ ТРИБУНАЛУ ОТКАЗЫВАЮТ В ОБЪЕКТИВНОСТИ

Симптомом нынешнего переформатирования исторической памяти японцев следует считать и переход к более открытой критике вердикта Международного военного трибунала для Дальнего Востока, проходившего с 3 мая 1946 г. по 12 ноября 1948 г. и известного как Токийский процесс.

Под критику подводится продуманная система аргументов. Во-первых, ведущее место в дискурсе занимает аргумент, что представители стран, подвергшихся японской агрессии, не были допущены в качестве обвинителей,

[5] Термин был предложен экспертом в сфере *memory studies* Марианной Хирш в статье "Поколение постпамяти" [Hirsch 2008].

[6] Proposed War Guilt Information Program – *Civil Information and Education Section*. 03.03.1948. URL: https://en.wikisource.org/wiki/Proposed_War_Guilt_Information_Program_(Third_Phase) (accessed 02.08.2020).

корпус которых состоял лишь из юристов союзных стран, а обвинения выносились на основании западного, в большей степени англо-американского, законодательства, особенно в части вменения коллективной ответственности, как принято, например, "в отношении мафии" [Онума 2015: 8-9].

Во-вторых, японцы, с одной стороны, смирились с унижением, но, с другой, критиковали трибунал как "суд победителей". Критики уточняют, что Япония признала приговор военного трибунала, подписав Сан-Францисский договор, но при этом не получила внятного ответа на вопрос, кто же несет ответственность за гибель более чем трех миллионов японцев, включая мирное население, тем паче, что она не может взять на себя всю вину за страдания более десяти миллионов жителей других стран [там же: 33].

В-третьих, многие японцы недоумевают, сколь справедливо квалифицировать деяния как преступные по законам, созданным постфактум, т.е. уже после совершения преступления. Важно, что критика легитимности трибунала стала официальной, когда к ней присоединился премьер-министр Абэ, указав в книге "К прекрасной стране" на то, что "преступники класса 'А' – это люди, осужденные высшим военным судом, Токийским трибуналом на основании понятий 'преступление против мира' и 'преступление против человечества', которые были сформированы уже после окончания войны. Существуют аргументы, что согласно международному праву судебный приговор, вынесенный на основании закона, принятого после преступного деяния, недействителен" [см. Абэ 2006: 69-70].

Наконец, не меньшее раздражение вызывает то, что "наказали не тех, кого надо", как грустно иронизировали многие мои собеседники в ходе интервью: часть военных преступников понесла суровое наказание, а в не меньшей степени виновные в военных преступлениях не только ушли от наказания, но даже построили вполне благополучные карьеры. Такие настроения были подкреплены премьером Абэ, написавшим в книге, что независимо от тяжести содеянного, к преступникам класса "А" "для удобства" были причислены те, кто занимал руководящие позиции. Среди 28 человек, определенных как преступники класса "А", отмечает премьер с интонацией, которую можно счесть за сочувствие, "Мацуока Ёсукэ умер в ходе суда, Окава Сюмэй сошел с ума, семерых осужденных казнили, еще пятеро скончались в процессе объявления приговора". Однако среди них были и те, кто потом был амнистирован и стал членом парламента [там же: 70].

Историк Хосака Масуясу прибегает к более "лобовой" аргументации: "Если посмотреть на семь казненных через повешение, возникает вопрос, почему этих людей приговорили к смерти, когда другие, на которых лежит большая ответственность, живы. Реальность такова, что для таких, как мы, японцев, которые подходят к истории эпохи Сёва[7] с точки зрения перепроверки доказательств, остается много непонятных моментов. В любом случае трибунал имел явную политическую подоплеку и, вероятно, отразил закулисные спекуляции и торги союзных держав" [Хосака 2016: 130].

Критика Токийского процесса, очевидно, заслуживает внимания. Но нельзя отрицать актуального значения этого судебного института, заклеймившего агрессивные войны, которые вела Япония, а также расистскую идеологию и политику японского военного руководства.

[7] *Сёва* (яп. 昭和 — "Просвещённый мир") — девиз правления императора Хирохито; период в истории Японии с 25 декабря 1926 г. по 7 января 1989 г.

КТО ВИНОВАТ? “СГОВОР ДЕРЖАВ”

Были попытки подставлять в уравнение, характеризующее коллективную память японцев, самые разные индикаторы, но в качестве ключевой переменной, не раз менявшей оценочный знак, всегда выступала ответственность за войну [Orr 2001: 1-13]. Оказавшаяся в центре послевоенного дискурса концепция ответственности за войну, обозначаемая термином *сэнсо сэкинин*, включала не только признание вины за развязанные в Азии военные действия в ходе Второй мировой войны, но, особенно в последнее время, и колониальное господство над Тайванем и Кореей [Onuma 2002: 600]. Тем не менее с той поры, как Секция гражданской информации и образования генштаба оккупационных войск перестала ежедневно “промывать мозги” с помощью информационной программы военной вины Японии (*WGIP*), центр тяжести японских представлений о том, кто виноват в развязывании войны, стал смещаться в сторону США.

В сегодняшнем японском дискурсе выделяется книга “Ответственность Америки за войну. Вызов самому большому послевоенному табу”. Ее автор, писатель-документалист Такэда Цунэясу, сообщает, что первым, кто заявил об ответственности Америки в войне, был генерал Исивара Кандзи (1889-1949), служивший в Маньчжурии и отправленный в отставку перед самой войной из-за конфликта с командованием сухопутных сил [Такэда 2015: 15-16]. Когда Исивара был вызван Международным трибуналом в качестве свидетеля, на вопрос обвинителя, кого, как он считает, следует отнести к военным преступникам класса “А”, он ответил, что в первую очередь – президента Трумэна за бомбардировки ни в чем не повинного гражданского населения. Такэда считает, что “расследование действий Америки во время Великой войны с точки зрения дальнейшего развития японо-американских отношений – это тот путь, который когда-то надлежит пройти” [там же: 22].

Тема вины Америки долгое время была под запретом как в Японии, так и в самих США[8]. Доминировал нарратив, будто атомные бомбардировки “были вызваны военной необходимостью и поэтому оправданны – как с точки зрения гуманизма, так и нравственности, и к тому же, дескать, соответствовали международному праву того времени. Есть люди, которые придерживаются этого мнения и сейчас” [там же: 24]. Критические статьи, к примеру, в “Асахи” в 1945 г., привели к приостановке оккупационными властями ее выхода.

Послевоенная пропаганда под контролем оккупационных сил в рамках *WGIP* в японских, а также в американских учебниках истории оправдывала действия Америки, а ответственность за бомбардировки Хиросимы и Нагасаки перекладывала на японское командование [там же: 34][9].

В рамках обсуждаемых в последние годы сценариев капитуляции акцент делается также на сорвавшихся надеждах Токио на помощь Москвы. Как пишет Такэда, Япония не раз просила Советский Союз выступить с посредническими услугами через принца Каноэ, посланника императора, и Сато Наотакэ,

[8] Показателен и успех в Японии перевода книги американского публициста Генри Стокса “Страной, совершившей военные преступления, была Америка!” [Сутокусу 2016].

[9] Такэде вторит и американец Джеймс Орр в книге “Жертва как герой”: “В эпоху холодной войны Хиросима и Нагасаки ознаменовали эпохальный сдвиг в технологии ведения войны, породивший концептуальный разрыв между обычной и ядерной войной. Соответственно, именно в сфере антиядерного пацифизма японское военное жертвоприношение легче всего отделялось от японской агрессии военного времени. Уникальный опыт Японии в Хиросиме и Нагасаки дал японцам исключительную и соблазнительную возможность претендовать на лидерство в мировом антиядерном движении” [Orr 2001: 36-70] .

бывшего посла Японии в СССР: “Однако Советский Союз уже условился в Ялте выступить против Японии, поэтому не собирался удовлетворять эти просьбы, – пишет Такэда. – Япония рассматривала СССР как своего союзника, а СССР готовился к нападению на Японию”, причем советские чиновники, по его словам, уклонялись от встреч с Коноэ [там же: 195]. Поэтому Такэда настаивает на версии, будто вступление СССР в войну было предрешено тайным сговором под нажимом США, из чего следовало, что Москва уже не могла выступить посредником в переговорах о мире, как того желала Японии, видя в этом спасение нации[10]. В предлагаемой Такэдой весьма экзотической версии Америка и СССР хотели, чтобы Япония отказалась принять условия Потсдамской декларации: “С точки зрения Америки Потсдамская декларация была направлена не на то, чтобы заставить Японию капитулировать”, а на то, чтобы “вынудить ее не капитулировать”. В частности, для этого из декларации было убрано положение о статусе императора [там же: 167]. В этой большой игре Трумэн, подталкивая Москву к войне, якобы параллельно делал ставку на сдерживание и даже запугивание СССР. И тут мы уже вступаем на почву предположений, домыслов, граничащих с фейками. При этом авторы всех противоречивых версий апеллируют к пересмотру шаблонов.

Мои японские собеседники, историки и политологи, в один голос призывали не сводить войну на Тихом океане к схемам, стереотипам и победным реляциям. Она и правда была страшной по своей жестокости. Упомянутый выше Хосака, остерегая от упрощения реальности, отмечал, что, по рассказам солдат, прошедших войну, им приходилось и убивать целые семьи в Китае по подозрению в шпионаже, и воровать, чтобы добыть себе еду [Хосака 2016: 14-15]. Только в XXI в. стали выходить труды, признававшие, что борьба “с безликим противником в абсолютно враждебной среде” привела в войсках Великобритании и США к появлению “невроза джунглей” (*jungle neurosis*) [Harmsen 2020] и что солдаты императорской армии оказывались на грани шизофрении, разрываясь между логикой “яшмовой смерти” во славу императора (*гёкусай-но ронри*) и жаждой жизни (*сэй-э-но кибо*) [Судзуки 2007: 94-95].

Четверть века назад, в 1995 г. к 50-летию окончания Второй мировой вышла книга Ёсиды Ютаки “Взгляд японцев на войну”, в которой впервые заявлялось, что Япония была не только виновником и агрессором, но и жертвой [цит. по: Онума 2015: 88]. Этот момент ознаменовал старт-ап уже не стихийного, а структурированного нарратива *виктимизации* японской нации (см. подробнее [Стрельцов 2015]). Дискуссии вокруг интерпретации ответственности за войну резко активизировались за последние пять-шесть лет. Вот что об этом думает Онума Ясуаки: “После войны Япония находилась в положении побежденной страны, критикуемой Китаем, Кореей и другими странами, и самокритично признала свою вину за войну и колониальное правление. Однако в сравнении с этим США и европейские страны, которые осудили Японию и Германию, тем не менее, практически не выражают сожаления по поводу собственной ответственности за колониальные режимы, империалистическую и агрессивную политику в отношении других стран. Классическим примером является использование Америкой дефолиантов в войне во Вьетнаме, в результате чего

[10] Такэда подчеркивает [Такэда 2015: 127], что из мемуаров Гарри Трумэна, опубликованных в 1955 г., следует, что целью его участия в Потсдамской встрече было “вынудить Советский Союз как можно скорее начать войну против Японии” [Truman 1986: 322-323].

в большом количестве стали появляться дети с врожденными дефектами. Тем не менее никаких извинений Вьетнаму принесено не было" [Онума 2015: 192-193].

Но нас в первую очередь интересует, в чем заключается "понимание истории" молодым поколением японцев. Опрос студентов в мае-июле 2020 г. позволил сделать интересные выводы относительно атрибуции "военной ответственности" (см. табл. 1).

Таблица 1 (Table 1)

Кто в Японии несет "военную ответственность" как за развязывание Войны на Тихом океане, так и за поражение в войне?
(Можно дать несколько ответов)
Who in Japan bears the "military responsibility" — both for unleashing the War in the Pacific and for the defeat in the war? (It's possible to choose several options) (%)

Ответы	Анонимный опрос (n=146)	Открытое голосование (n=20)
Руководители армии и флота	73	88
Высшая бюрократия страны	61	88
Политики	69	75
Император	41	38
Журналисты	25	25
Бизнес	25	38
Широкая общественность	21	0
Никто в отдельности, так сложилось	3	0
Нет ответа	2	0

Источник: опрос студентов Университета Сока, май-июль 2020, Хатиодзи (префектура Токио).
Примечание. Социологам известен такой японский специфический феномен, как стремление непропорционально большой части респондентов уходить от прямого ответа, прячась за формулировку "Нет ответа". Однако в данном случае была прямая моя просьба отвечать по возможности определенно, а пожелания "*сэнсэя*" здесь принято выполнять неукоснительно.

Результаты анонимного опроса были вполне предсказуемы, поскольку они в принципе совпадают с господствующей точкой зрения по вопросу о "военной ответственности", которую возлагают прежде всего на высшее командование армии и флота, политическое руководство милитаристской Японии и высокопоставленных бюрократов. Поскольку такой расклад уже как бы освящен многолетней традицией "больших опросов" с "апробированными" результатами, ответы в открытом поименном голосовании студентов продемонстрировали еще более высокие показатели. Таблица 1 с вопросом, имеющим запрограммированные ответы, провоцировала на откровенные ответы и на ключевой вопрос (см. табл. 2), касающийся готовности возлагать на свое поколение ответственность за давно минувшую агрессивную войну.

Полученная информация приближает нас к ответу на главный вопрос исследования: хочет ли молодежь чувствовать ответственность за действия (причем, по умолчанию, преступные действия) их дедов и прадедов в ходе агрессивной войны, которую развязали какие-то далекие им люди из "полумифического прошлого". Действительно, анонимная часть опроса убедительно свидетельствует, что тех, кто не желает нести ответственность за "прегрешения" предков, вдвое больше, чем согласных разделять такую от-

ветственность[11]. Вывод: значительная часть (две трети) молодежи не склонна ассоциировать себя с ответственностью за Вторую мировую войну, которую развязали те, чьи души давно обрели вечный покой в храме Ясукуни.

Таблица 2 (Table 2)

Считаете ли Вы, что нынешнее поколение молодых японцев должно также нести ответственность за Вторую мировую войну? (%)
Do you think that the current generation of young Japanese should also be responsible for World War II? (%)

Ответы	Анонимный опрос (n=146)	Открытое голосование (n=20)
Я думаю, мы должны нести ответственность	30	38
Нет необходимости ощущать ответственность	59	63
Нет ответа	11	0

Источник: опрос студентов Университета Сока, май-июль 2020, Хатиодзи (префектура Токио).

НЕЗАТИХАЮЩИЕ СПОРЫ ВОКРУГ ХРАМА ЯСУКУНИ

Отношение общества к регулярным посещениям храма Ясукуни[12] высшими должностными лицами Японии, которые тщательно отслеживаются медиа – и японскими, и сопредельных стран, остается в фокусе военного дискурса. В дискуссию вклад внес и премьер Абэ: “Считается, что проблема Ясукуни связана с отношениями с Китаем, однако в первую очередь это была внутренняя проблема разделения религии и политики”. Как считает Абэ, проблемой отношений между Японией и Китаем она стала 15 августа 1985 г. и поводом стало участие в официальной церемонии в храме премьер-министра Накасонэ” [Абэ 2006: 66-67]. Абэ Синдзо детально рассказывает, что за неделю до посещения храма в “Асахи” появилась статья “Китай с возмущением смотрит на проблему посещения храма Ясукуни”. Следившие ранее за реакцией общественного мнения в Японии китайские власти не могли не среагировать на сообщение. За день до предполагаемой церемонии представитель китайского МИД впервые заявил протест по поводу визита премьер-министра в храм. В его заявлении говорилось, что это “ранит чувства народов всех азиатских стран”. Именно в это время возникла тема поклонения в храме преступникам класса “А”. Абэ подчеркивает, что речь шла не о них, а о поминовении душ, начавшемся семью годами ранее в 1978 г. при кабинете Фукуды. Хотя после этого три следующих премьер-министра – Охира, Судзуки и Накасонэ – и посещали Ясукуни, Китай не заявлял протестов [там же: 68].

Накал международной критики этих визитов поднялся на новый уровень после того, как храм стал посещать премьер-министр Коидзуми Дзюнъитиро (2001–2006 гг.)[13], утверждая, правда, что “его целью было не прославлять ми-

[11] Опять подчеркну, что в контрольной группе открытого голосования нет увильнувших от прямого ответа, поскольку студенты откликнулись на призыв высказать свое мнение откровенно.

[12] Храм Ясукуни, основанный в 1869 г. в память о погибших в ходе “реставрации Мэйдзи”, считается местом поминовения всех, кто отдал жизнь за Японию. В 1978 г. к почитаемым были причислены 14 преступников, приговоренных Токийским трибуналом.

[13] Визит в Ясукуни Коидзуми в 2001 г. стал вторым официальным посещением храма лидером государства после премьера Накасонэ Ясухиро в 1985 г. И до Накасонэ, и после премьер-министры посещали Ясукуни как частные лица (консерваторы не всегда упоминают эту деталь). После Коидзуми в качестве действующего главы правительства визит в храм нанес только Абэ Синдзо в декабре 2013 г., что было расценено соседями как символический сдвиг в политике.

литаризм, а подтвердить верность клятве сохранять мир и почтить погибших" [цит. по: Fukuoka 2013: 27]. Однако Пекин и Сеул воспринимали эти визиты как нежелание Токио признать ответственность за войну. По оценке Фукуоки Кадзуя, профессора университета Св. Иосифа (США), нервирующим соседей Японии обстоятельством было то, что официальная историография описывает войну как "оборонительную", а не агрессивную, поскольку "Япония боролась за освобождение Азии от европейского и американского колониализма" [ibidem]. Поэтому решение Коидзуми выбрать для посещения Ясукуни именно 15 августа, дату, которая в Корее отмечается как День независимости, а в Китае – как День победы над Японией, было воспринято там как оскорбление. С другой стороны, Коидзуми, в частности, предложил установить нерелигиозный мемориал почитания погибших и предложил "найти способ, чтобы люди и в Японии, и за ее пределами могли отдавать дань почтения, не испытывая дискомфорта" [ibid.: 34]. Тем не менее его инициативы встретили яростную реакцию и со стороны его однопартийцев, и за пределами Японии.

Как показывают мониторинги, среди японцев в последние годы усиливается интерес к прошлому страны. Первые признаки изменений национального сознания в его отношении к коммеморативным практикам обозначились в середине 1990-х годов, но на протяжении последующих лет дискуссии заметно обострились на фоне регулярного принесения извинений странам-соседям, что начал делать Мураяма Томиити с 1995 г. Когда в ноябре 2004 г. на встрече в рамках АТЭС председатель КНР попросил Коидзуми не посещать Ясукуни, только 30% японцев выразили понимание просьбы китайского лидера [ibid.: 40]. Коидзуми, в частности, объявил, что сопредельные страны должны воздержаться от вмешательства в дела Японии там, где речь идет о сфере личной совести.

В 2004-2005 гг., когда по Китаю прокатилась волна антияпонских протестов, с Пекином и Сеулом установились напряженные дипломатические отношения. Рубежом стал 2005 г., когда резко усилилось негативное отношение общественного мнения к Китаю в связи с очередным антияпонским выступлением, после которого председатель КНР не только не извинился, но и призвал, чтобы Токио принес извинения за военные преступления. Социологический "барометр" прослеживает вспышку недовольства общества: 71% японцев сочли эти претензии неприемлемыми, но при этом большинство опрошенных высказалось критически о самих визитах премьера в Ясукуни (49% против визитов, 36% – за) [ibid.: 39-40]. При этом большая часть японских респондентов считают Ясукуни местом поминовения погибших в войнах (66%), а не символом милитаризма (10%), как в Китае и Корее [ibid.: 41].

Дискурс вокруг храма Ясукуни и "душ преступников" наполнен порой казуистическими рассуждениями, апеллирующими к чувству сострадания. Так, Хосака Масаясу пишет: "Причина, по которой в храме Ясукуни продолжают чтить память военных преступников класса 'А', состоит в том, что они такие же жертвы войны, и потому было бы жестокосердно лишить их поминовения... Если, опираясь на этот аргумент, правомерно почитать военных преступников класса 'А' в храме, то тогда нужно аргументировать, почему официальным лицам не возбраняется совершать церемонии в храме Ясукуни. А раз есть такое основание, то руководствуясь этой логикой, премьер-министру следует официально посещать храм Ясукуни, как бы ни критиковали его за это за рубежом" [Хосака 2016: 91-92].

Кроме того, настоятель храма Ясукуни Мацудайра Нагаёси, который включил военных преступников класса "А" в число поминаемых воинов, исходил из того, что военные действия Второй мировой войны закончились 15 августа или 2 сентября 1945 г., но в юридическом смысле война продолжалась до под-

писания Сан-Францисского договора в 1951 г., поэтому наказанные военные преступники должны считаться пострадавшими во время войны. Хосака считает, что любая агрессивная война – преступление, причем преступники не только те, кто планировал войну и реализовывал военные планы, но и те, кто участвовал в их обсуждении [там же: 117].

Мне не раз довелось посетить храм Ясукуни. Интересно, что в экспозиции музея "Юсюкан", посвященной началу войны на Тихом океане, установлена панель, на которой кратко изложена "концепция заговора": "Большая стратегия Рузвельта. Путь, оставшийся Рузвельту, состоял в том, чтобы загнать в угол санкциями бедную ресурсами Японию и вынудить ее начать войну", "Участие в войне полностью восстановило экономику США".

В целом анализ дискурса вокруг Ясукуни показывает, что почитание погибших воинов можно было бы сделать символическим стержнем национального единения, как это получилось в России, но на Японских островах такого не происходит, так как согласия между обществом и элитами нет, а храм стал одним из самых политизированных мест в Азии, раздражающим соседей и мешающим наладить нормальные отношения.

Проблема "женщин для утешения" в послевоенном дискурсе

В августе 2020 г. общественное мнение Японии прошло суровый стресс-тест на толерантность. В ботаническом саду в Пхёнчхане, одном из южнокорейских городов провинции Канвондо, поставили статую "Вечное искупление", которую журналисты сходу окрестили "Премьер Абэ в низком поклоне перед 'женщиной для утешения'". Можно спорить, насколько фигура мужчины, распростертого перед сидящей на стуле девушкой, похожа на японского лидера, тем более что скульптор отрицает, что изваял именно Абэ. Все японцы, с которыми довелось обсудить эту тему, сочли памятник унижающим достоинство страны, а генеральный секретарь кабинета Суга Ёсихидэ заявил: "С точки зрения международного этикета это недопустимо... Это окажет решающее влияние на японо-южнокорейские отношения"[14].

Нелицеприятный вопрос "женщин для утешения" (*comfort women,* яп. *ианфу*, кор. *вианбу*) возник в 1982 г., когда "Асахи" опубликовала показания бывшего солдата Ёсиды Сэйдзи о том, как он во время войны насильственно вовлекал молодых кореянок на острове Чеджу в сексуальное рабство. Информация о рекрутировании девушек превратилась в острейшую политическую и дипломатическую проблему[15]. В 1998 г. Япония выплатила компенсации корейским *вианбу*. Последней попыткой урегулировать вопрос компенсаций было соглашение 2015 г. между Абэ Синдзо и Пак Кынхе, в итоге не устроившее общественность Южной Кореи. Новый президент Мун Чжэин,

[14] 韓国"安倍首相土下座像"の植物園長「誰かを特定していない」[Директор ботанического сада Южной Кореи со "статуей Абэ в низком поклоне": "Я ни на никого не указал"]. – *Yahoo.com News.* 31.07.2020. URL: https://news.yahoo.co.jp/articles/a71b78185bf3b6d46220e32042c7e92b153036ed (accessed 11.08.2020).

[15] Речь идет о сексуальной эксплуатации в 1932-1945 гг. женщин из Китая, Кореи, Тайваня и других территорий, оккупированных японской армией. Их на "станциях утешения" было сосредоточено более 400 тыс., причем к концу войны из них выжила лишь четверть. В 1965 г., когда встал вопрос о нормализации отношений между Токио и Сеулом, тогдашний президент Республики Корея Пак Чжон Хи согласился на тайную сделку и получил в виде "помощи" (но не репараций!) сумму, эквивалентную 500 млн долл., обещав не поднимать "неудобную проблему". Впоследствии его обвинили в предательстве интересов страны. Но надо отметить, что эта сумма пошла на создание современной инфраструктуры Южной Кореи, став по сути одним из источников "корейского экономического чуда" [см. Стрельцов 2014: 11].

избранный в 2017 г., перешел к прессингу по смежным вопросам, например, настаивая на извинениях и компенсациях за принудительный труд корейцев на японских предприятиях в колониальную эпоху. Япония ввела санкции против южнокорейской экономики (формально под иным предлогом).

Масла в огонь добавила ретракция газетой "Асахи" 5 августа 2014 г. свидетельств Ёсиды Сэйдзи о глумлении над достоинством женщин, поскольку эта информация была признана журналистским вымыслом[16]. Власти же признают существование проблемы, но не считают, что женщины рекрутировались насильно. Так, Онума Ясуаки, объясняя, почему "в связи с современной ситуацией проблема секс-рабынь, которая должна была оставаться проблемой прошлого, начала обсуждаться как сегодняшний вызов" [Онума 2015: 126], акцентирует два момента: во-первых, с 1980-х годов начало набирать силу феминистское движение, а во-вторых, и корейцы, и тайваньцы, будучи подданными единой Японской империи, "участвовали в войне и также несут за это ответственность". "'Женщины для утешения', – считает Онума, – как проблема выходит за рамки корейско-японских отношений, так как среди эксплуатируемых женщин были не только кореянки, но и собственно японские, китайские, филиппинские женщины, женщины Тайваня, Индонезии, а также Голландии. Кроме того, во время Второй мировой войны и голландские военные, управлявшие Индонезией, насильно удерживали гражданское население и принуждали пополнять ряды женщин для утешения" [там же: 127-133]. Обратим внимание и на то, как трактует проблему японская Википедия, акцентируя то, что маркитантки во все времена сопровождали в походах армии и Франции, и Германии, и всех вообще государств[17].

В среде интеллектуального класса Японии зреет убеждение, что проблема пострадавших корейских женщин сконструирована либеральными СМИ и общественными феминистскими организациями в Японии и за рубежом. Удивило единодушие в оценках, которые давали текущему моменту мои собеседники – коллеги из университетов и японские парламентарии в ходе серии интервью летом 2020 г. и которые можно кратко суммировать как критику стремления соседей Японии использовать наболевший вопрос в качестве инструмента внутренней и внешней политики. Например, Судзуки Мунэо, депутат парламента и советник премьер-министра Абэ, видит несправедливость новых требований Сеула в том, что усиление прессинга на Токио началось в 1990-х годах, когда начался экономический кризис и страна оказалась в уязвимом положении с финансовой точки зрения, в то время как ее соседи по региону, напротив, развивались все более успешно[18]. Так видится многим японским политикам и политологам переоткрытие японской нацией глобальной социально-политической реальности, а на этом фоне в массовом сознании крепнет ощущение, будто китайцы и корейцы, возлагая вину за войну на Токио, стремятся получить финансово-экономические преимущества.

СКОЛЬКО ЕЩЕ ПРОДЛИТСЯ "МАРАФОН ИЗВИНЕНИЙ"?

Вопрос об ответственности связан с проблемой извинений за преступления, совершенные военнослужащими императорской армии в ходе войны.

[16] Tōgō Kazuhiko. Japan's Foreign Policy Options Following Asahi's "Comfort Women" Retraction. – *Nippon.com. Politics*. 09.10.2014 (accessed 11.08.2020).

[17] 慰安婦[*ианфу*, маркитантки]. – フリー百科事典『ウィキペディア』URL: https://ja.wikipedia.org/wiki/ (accessed 22.07.2020).

[18] Беседа с Судзуки Мунэо в его парламентском офисе 18 июня 2020 г.

Процедура извинения в странах региона имеет ритуальное значение, будучи частью социокультурного кода.

Впервые от имени Японии искренние извинения народам Азии по случаю 50-летия капитуляции Японии принес в 1995 г. Мураяма Томиити, социалист, оказавшийся в премьерском кресле. Он признал, что его страна принесла мучения народам азиатских стран и озвучил намерение Токио избегать в будущем роковых ошибок такого рода. Десять лет спустя премьер Коидзуми Дзюнъитиро по случаю 60-летия окончания войны сказал в целом те же слова об искренних извинениях, агрессии и о глубоком раскаянии. Настала очередь Абэ Синдзо. Продлится ли им эта складывающаяся традиция и будет ли прощение? В целом спичрайтеры тасуют несколько ключевых словосочетаний: "колониальное правление Японии", на котором настаивает прежде всего Сеул, "агрессия" и "искренние извинения".

Премьер-министр Абэ, выступая перед американскими законодателями во время визита в США в 2015 г., употребил выражение "глубокое раскаяние", а также высказал "глубочайшее уважение" к погибшим американским военнослужащим[19]. До сих пор эффект от "политики извинений" был скромный, и в дальнейшем была сформулирована позиция, направлявшая дипломатию Токио в русло "исправления ошибок". В дискурсе, в бытность премьер-министром Коидзуми Дзюнъитиро (2001-2006 гг.) и в ходе второго срока Абэ (с 2012 г.), обнаружились очаги полемики по проблемам "понимания прошлого". Но уже с начала XXI в. чувствуется наступление "усталости от извинений" (*apology fatigue*) [Onuma 2002: 601], что предвосхищает отход от "политики извинений" и, судя по высказываниям Абэ, о рациональности отказа от "бремени извинений". В японском дискурсе укрепляет позиции мнение, что, желая извлечь компенсацию за реальный материальный и моральный ущерб, нанесенный Китаю и Корее операциями императорской армии и флота, часть властной элиты этих стран применяет манипулятивную стратегию для мобилизации мирового общественного мнения. Эти настроения в современном японском обществе подтверждает и проведенный автором опрос студентов (см. табл. 3).

Таблица 3 (Table 3)

Сменявшие друг друга японские премьер-министры извинялись перед Китаем и Кореей за ошибки прошлого. Думаете ли Вы, что эти извинения были нужны? Если да, то достаточно ли принесено извинений на сегодняшний день? Или Вы думаете, что сделанного еще недостаточно? (%)

Successive Japanese prime ministers have apologized to China and Korea for the mistakes of the past. Do you think these apologies were necessary? If so, has the apology been sufficiently made to date? Or do you think what's done isn't enough yet? (%)

Ответы	Анонимный опрос (n=146)	Открытое голосование (n=20)
Не было необходимости в извинениях	3	0
Извинения были нужны, но их уже достаточно	66	75
Считаю, что извинений принесено недостаточно	21	25
Нет ответа	10	0

Источник: опрос студентов Университета Сока, май-июль 2020, Токио, Хатиодзи (префектура Токио).

[19] Премьер Японии выразил в США глубокое раскаяние. – *Русская служба BBC. News*. 30.04.2015. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2015/04/150429_japan_us_abe_congress (accessed 02.07.2020).

СОВСЕМ ДРУГАЯ ИСТОРИЯ...

Нетрадиционный поворот японского дискурса о войне предложил Кураяма Мицуру, историк, политический аналитик, писатель и публицист, ведущий одного из каналов на *YouTube* по вопросам политики, истории, культуры, а также руководитель образовательного онлайн-портала. Принципиально важен этот поворот дискурса тем, что Кураяма в книге "Великая Восточноазиатская война правительственной канцелярии" предельно заостряет вопрос: "До каких пор Япония будет оставаться побежденной страной (*хайсэнкоку*)? Будет ли это состояние продолжаться вечно? Мы должны прекратить это состояние... Необходимо подвести черту под пониманием, что представляла собой 'та война'. Левые определили ее как агрессивную со стороны Японии, правые, напротив, подавали робкий голос за то, что это была священная война. Попытаемся подвести итог. Об агрессии не может быть и речи. Священная война – это тоже ошибка. Если мы допустили ошибку, то мы не сможем объяснить всю картину. Однако какой же была 'та война', а именно Великая война в Восточной Азии? Это была война правительственной бюрократии" [Кураяма 2015: 2].

Судя по серии глубинных интервью с историками и политологами, взятых автором в 2020 г., сегодня вектор логики японцев таков: да, 75 лет назад Япония проиграла войну и получила статус побежденной страны. Но за 75 лет многое изменилось, и нужно ли теперь верить "пониманию истории", односторонне навязанному победителями?

Чтобы пояснить эту логику, закрепившуюся в японском дискурсе, приведем в деталях доводы Кураямы: "Что сделала Япония с тех пор как потерпела поражение в 'той войне'? По крайней мере, она не совершала вооруженные нападения на другие страны... С другой стороны, чем занимаются соседние страны? Северная Корея является преступной страной, похищающей японцев, и это в современном прогрессивном мире. Россия бросила Японию прямо перед ее поражением и похитила Северные территории. Мужчины были сосланы в Сибирь на принудительные работы, а женщины подвергались насилию... После войны она насильственным путем подчинила страны Восточной Европы, а в настоящее время продолжает агрессию на Украине и в Грузии. Китай, даже не вдаваясь в подробности о зверствах в отношении тибетцев и уйгуров, нарушает Конвенцию о геноциде. В настоящее время это страна, которая имеет наибольшее число конфликтов с азиатскими странами. Южная Корея, идя на поводу у Китая, беспрестанно плодит провокации, поднимая вопросы истории. И наконец союзническое государство Америка также не выказывает желания избавить Японию от статуса побежденной страны. Какая страна начала войну с Японией в связи с азиатскими проблемами, которые ее никак не касались? Какая страна убивала мирных жителей во время воздушных налетов и кроме того сбросила две атомные бомбы, наиболее антигуманное оружие?" [там же: 3].

Как видим, уже в предисловии к этой книге Кураяма предвзято расставляет точки над "i". В этом высказывании есть правдивые исторические факты (ковровые бомбардировки японских городов, удары по Хиросиме и Нагасаки, которым нет прощения), переплетенные с сомнительными утверждениями, смещенными акцентами, более чем вольной интерпретацией (Корея "плодит провокации, поднимая вопросы истории"), предельно обобщенными частными случаями и откровенно бездоказательными фейками. Так, например,

Кураяма ставит Китаю в вину "зверства в отношении тибетцев и уйгуров", забывая о бесчеловечных опытах "отряда 731" над пленными китайцами. Другими словами, мы имеем дело с откровенной "избирательной" историей.

В новой книге "Подлинная история начала войны между Японией и США. Сокрытая военная ответственность Коноэ Фумимаро" Кураяма объясняет, как получилось, что Япония ввязалась в безрассудную войну с Америкой. Это, по его мнению, произошло из-за конспиративного сговора политиков[20] и становится более понятным также из анализа подспудных течений в деятельности японских медиа того периода, исследование которой для японских историков долгое время было табуировано. Кураяма подчеркивает: "На протяжении столетий Япония оставалась страной, которая ни разу не была захвачена другими странами. Однако, проиграв войну Америке, она уже более 70 лет остается захваченной страной..." [Кураяма 2017: 1-2]. В целом в японском дискурсе нередко можно услышать подобный лейтмотив "послевоенного периода проигравших" (*хайся-но сэнго*) [Камидзима 2019: 59-65].

НАРРАТИВ О "ПОБЕЖДЕННОЙ НАЦИИ"

Трактовка военного нарратива в учебниках истории появилась буквально сразу после окончания военных действий, когда пришлось решать, чему учить новое поколение. Однако около полувека проблема пребывала в тлеющем состоянии. Лишь около двух десятилетий назад она оказалась одной из ключевых частей дискурса, когда "Общество по составлению новых учебников истории" (*Атарасий рэкиси кёкасё-о цукуру кай*) подготовило к выпуску учебный материал, содержавший вопиющие искажения истории Второй мировой войны. Учебник представлял преступления императорской Квантунской армии как серию победных операций, причем летом 2001 г. это пособие успешно прошло апробацию в Министерстве образования. "Нет никаких сомнений в том, что визит Коидзуми в храм Ясукуни в сочетании с проблемой учебника стали прямыми причинами вспышки напряженности между Японией, Китаем и Кореей", – считает не раз уже упомянутый выше историк Онума [Onuma 2002: 600]. Так дискуссия историков сдвинулась в плоскость поисков ответа на вопрос: кем были погибшие на фронтах солдаты – жертвами, героями или преступниками? Возник пласт литературы по виктимизации сознания японцев, формирующей их идентификационную матрицу [Orr 2001; Yoshida 2009; Стрельцов 2015; Танака 2019].

Важной особенностью нарратива о "послевоенном периоде в роли побежденной нации" можно считать то, что он уже давно стал элементом международных отношений в регионе. По-прежнему в японо-китайских отношениях болезненной темой остается "нанкинский инцидент" (по терминологии учебников). Немало историков утверждают, что численность погибших в ходе "нанкинской резни"[21] была сфабрикована именно американской пропаган-

[20] Кураяма ссылается на явно псевдоисторическую поделку, в которой говорится, что тогдашний премьер-министр Японии принц Коноэ Фумимаро и Рузвельт были "советскими шпионами" и "спровоцировали войну, выгодную для СССР" ; автор, надо отдать ему должное, подвергает сомнению истинность "шпионского" нарратива, находящегося на грани жанра фэнтэзи, но не отвергает его [Кураяма 2017: 213].

[21] Эпизод японо-китайской войны, в ходе которого в Нанкине, столице Китайской республики, в декабре 1937 г., японские военные, захватив Нанкин, изощренными способами уничтожили до 300 тыс. нонкомбатантов, включая женщин и детей, а также разоруженных солдат.

дой, которая определяла цифры жертв в 300–400 тыс., а порой и 500 тыс. “Гипертрофированные” данные, как полагают японские авторы, должны были показать, что численность убитых в Нанкине перекрывала масштабы потерь от атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, которые сразу после взрывов составляли “лишь” около 200 тыс. человек [Арима 2015: 21-22]. Японские историки, нашедшие сторонников в США, утверждали, что в Нанкине было умерщвлено около 20 тыс. [там же: 25], а вина возлагалась на националистов Гоминдана [там же: 4].

Приведем в подтверждение свидетельство американского исследователя Дж. Орра: “Образование было неотъемлемой частью усилий оккупационных властей по восстановлению Японии и воспитанию японцев как демократического, миролюбивого народа. Стратегия была проста: секция гражданской информации и образования (*CIE SCAP*) ликвидировала курсы по истории, географии и морали, которые прививали ультранационалистическое мышление; затем она поручила Министерству образования подготовить новые учебники для курсов по социогуманитарным дисциплинам, осуждавшие милитаризм и национализм и поощрявшие укоренение демократических навыков мышления” [Orr 2001: 71-205].

Как отмечают китайские исследователи, в издаваемых в Японии школьных учебниках по-прежнему карательные рейды императорской армии во время первой китайско-японской войны именуются “продвижением войск” (*бурёку синсюцу*) [Zou Yi 2019: 113][22]. Экспозиция музея “Юсюкан” при храме Ясукуни, который посещают школьники, “переворачивает представления о войне и рассматривает японских военных как ‘жертву’, а другие страны – как ‘виноватых в преступлениях’” [Zou Yi 2019: 123]. Более того, “военный нарратив в ‘Юсюкане’ рассматривается как справедливый, причем справедливыми представлены и сама война, и поведение на войне” [ibid.: 125].

В то же время японское общественное мнение болезненно реагировало на бестактные оценки прошлого (видимо, это заслуга журналистов, выступавших с разоблачениями), заставляя политиков и чиновников, допустивших некорректные высказывания, немедленно уходить в отставку. Например, в 1994 г. Сакураи Арата, министр окружающей среды в кабинете Мураямы Томиити, опрометчиво заявил, что война в Большой Восточной Азии “не имела агрессивного характера”, после чего ушел в отставку. За несколько месяцев до этого министр юстиции Нагано Сигэто при премьер-министре Хата Цутому назвал “нанкинскую резню” мистификацией и тоже был вынужден подать в отставку [Koyama 2018: 3].

Надо упомянуть и позицию премьер-министра Абэ в отношении образования, который считает, что Японии необходима реформа образования, нацеленная на воспитание гордости за свою страну и самоуважения, подобная реформам, проведенным Маргарет Тэтчер. Британский опыт он рассматривает

[22] Не полагаясь на труд китайского историка, я приобрел летом 2020 г. в обычном книжном магазине у станции Хатиодзи первый попавшийся учебник мировой истории для средней школы, в написании которого участвовали 47 историков. Действительно, масштабная агрессия против Китая в 1937 г. там называется “операциями по продвижению в Восточной Азии”, а атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки без комментариев обыденно упомянуты в перечислении событий в одном ряду с “разрывом Советским Союзом советско-японского пакта о нейтралитете” [[新しい社会れきし歴史。五味 文彦 et al. [Атарасий сякай рэкиси (История нового общества. Гоми Фумихико (ред.) и др. Токио: Токио бунсэки кайся. 2012. С. 192, 195)].

как особо ценный, поскольку до того в Великобритании также было заметно самоуничижительное отношение к собственной истории. Абэ подчеркивает в книге "К красивой стране": "В послевоенной Японии причину войны и поражения усматривали в национализме. В результате в послевоенном сознании японцев сложилось уравнение "государство = зло". Люди не могут мыслить с позиции государства... Это – один из просчетов послевоенного образования" [Абэ 2006: 202-203]. В конце концов можно согласиться с Абэ, что школа ставит не задачу подготовки профессиональных исследователей-историков, а воспитание ответственных и лояльных граждан.

РЕКВИЕМ ПО СИБИРСКИМ ИНТЕРНИРОВАННЫМ

Проблему японских военнопленных, точнее, интернированных военнослужащих разбитой советскими войсками Квантунской армии и "гражданских лиц, захваченных на территории Китая", можно считать самостоятельным сегментом японского военного дискурса, которому посвящен целый пласт исторической и пропагандистской литературы и который постоянно пополняется новыми исследованиями и новыми деталями. Анализ текстов показывает, что тема "сибирского плена" – один из фрагментов общей картины "сговора союзников".

Мое внимание привлекла книга профессора университета Сэйкэй Томиты Такаси[23] "Реквием по сибирским интернированным" [Томита 2019]. Он выяснил на основании архивных данных, что "значительная часть японских военных были осуждены по печально известной ст. 58 УК РСФСР (1926 г.), ч. 6 (шпионаж), ч. 9 ("причинение ущерба в контрреволюционных целях"), ч. 4 ("оказание помощи международной буржуазии"). По чч. 6, 4 и 8 (террористические акты, направленные против представителей советской власти) были осуждены гражданские лица, хотя распространение действия ст. 52 и, в частности, ч. 4 ст. 58, касающихся политических преступлений, совершенных внутри страны, на иностранных подданных, по сути означает, что любые жители капиталистических стран могли рассматриваться в качестве преступников. Томита подчеркивает, что Япония не вторгалась подобно германской армии на территорию СССР и не причиняла разрушений и человеческих жертв. Из 99 рассмотренных случаев в 73 на судебном заседании не было ни адвокатов, ни свидетелей [там же: 52-53]. СССР задерживал сотни тысяч людей для развития экономики на своей территории [там же: 185].

Некоторые историки (например, работающий в США политолог Хасэгава Цуёси) выступают с любопытной версией, что Трумэн, отвергнув претензию Сталина на оккупацию северной части Хоккайдо, в качестве компенсации согласился на использование Советским Союзом миллиона рабочих рук (т.е. полумиллиона интернированных) как бесплатной рабочей силы для восстановления Дальнего Востока. Регион встал на ноги к началу 1950-х годов, и большей части японцев удалось вернуться на родину [Хасэгава 2011: 468].

Нельзя закрывать глаза и на грубые выпады на грани подмены понятий. Например, публицист и переводчик Нагасэ Рёдзи пишет: "Интернирование

[23] Знаю профессора Томиту по нескольким годам совместной работы в проекте изучения параллельной истории российско-японских отношений как эксперта, склонного к дотошному анализу документов, при этом демонстрирующего непредвзятый подход – в отличие от ряда эмоциональных и дневниковых нарративов.

в Сибирь отнюдь не является делом прошлого. В Японии существует нерешенная проблема похищенных Северной Кореей японских граждан. Определенно обстоятельства интернирования Советской армией большого количества людей в Сибирь после окончания войны были другими, однако суть преступной деятельности, состоящая в незаконном насильственном захвате и интернировании японцев иностранным государством, одна и та же" [Нагасэ 2015: 435]. Этот пассаж весьма показателен для понимания истоков предвзятого отношения части японского общества к СССР и России. Принципиальный изъян, делающий высказывание Нагасэ некорректным, в том, что не только обстоятельства интернирования были иными, но и сама суть: интернирование было результатом военных действий, а тайные похищения спецслужбами Пхеньяна проходили в мирное время[24].

Все же в целом, несмотря на преобладание спокойного, конструктивного тона в обсуждении проблемы "сибирского плена", она остается саднящей травмой, которая воспроизводится в социальной памяти японцев и время от времени подогревается вбросами искаженной информации.

"СЕВЕРНЫЕ ТЕРРИТОРИИ" КАК БАРОМЕТР СОСТОЯНИЯ ОТНОШЕНИЙ

Нельзя отрицать, что территориальная проблема наряду с проблемой военнопленных сохраняется как раздражающий фактор в японо-российских отношениях. Нельзя также забывать, что такая оценка распространяется в еще большей степени на отношения Японии с Китаем и Республикой Корея. Интересно, что доля новых книг и статей по "северным территориям" в дискурсе не столь велика, как можно было бы ожидать, и, более того, эта проблема все чаще рассматривается в контексте "сговора держав-победительниц" (см., например, [Арима 2016: 104]). Внимание привлекает возрождение увязки вопроса "северных территорий" с усложнившейся проблемой пребывания американских войск на Окинаве как выражением нерешенности проблем послевоенного урегулирования. У японских политологов входит в обиход указание на параллелизм в подходах к курильской и окинавской проблемам [Хонда 2013: 352-353].

Характерны ответы студентов Университета Сока (май-июль 2020 г.) на два вопроса анкеты. На мой вопрос о том, закончился ли послевоенный период для Японии, 21% студентов ответили "да, закончился" и 79% – "продолжается". Но на следующий вопрос к ответившим, что он "продолжается", почему они так считают, 58% связали это с наличием нерешенных территориальных проблем, а 36% – с продолжающимся пребыванием военных баз США на японской земле.

Состояние "военной памяти" японцев крайне важно в связи с тем, что интерпретация итогов Второй мировой войны – это, несомненно, ключ к тому, что формирует взаимоотношения наших стран. Российским дипломатам и экспертам предстоит приложить дополнительные усилия, отслеживая вектор изменений в "понимании истории" японским обществом, особенно в таких

[24] В 1970-е и 1980-е годы случилась цепь исчезновений японских граждан при загадочных обстоятельствах. На первой встрече на высшем уровне в сентябре 2002 г. Северная Корея признала, что она похитила японских граждан, и принесла извинения. В октябре того же года пятеро похищенных вернулись из Северной Кореи в Японию спустя 24 года. Правительство Японии идентифицировало 17 японских граждан, включая пятерых, которые уже вернулись в Японию, как жертв похищения Северной Кореей. См. Abduction of Japanese Citizens by North Korea. – *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. URL: https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/n_korea/abduction/index.html (accessed 19.08.2020).

его сегментах, как интеллектуальная и политическая элиты. На одной из сессий "Примаковских чтений", проходившей в онлайн-режиме в июле 2020 г., руководитель российского МИДа С.В. Лавров подчеркнул, что Токио эти итоги признает, но не включает сюда итоги, затрагивающие южные Курилы, а "это неправовая позиция". Министр сослался на то, что "правовая позиция Японии должна была бы определяться тем фактом, что Япония ратифицировала Устав ООН, а в нем есть ст. 107, которая гласит, что все, что было сделано державами-победительницами, не подлежит обсуждению". При этом Лавров заявил, что Москва слышит "заявления наших японских соседей о том, что мы будем готовы мирный договор заключить, как только решим территориальную проблему. Это не то, о чем договаривались. Договаривались сконцентрироваться на заключении мирного договора. Как того и требует декларация 1956 г."[25]

Анализ японского официального дискурса последнего времени свидетельствует, что барьер непонимания между нашими странами, к сожалению, не снижается. Неприемлемым эксцессом выглядел, к примеру, демарш депутата палаты представителей Маруямы Ходаку, фактически предложившего "отбить" южные Курилы силой[26].

В моих интервью с японскими коллегами лейтмотивом звучало сдержанное недоумение, вызванное дискуссией вокруг поправок к Конституции РФ, а именно по поводу защиты территориальной целостности страны. Например, 19 мая 2020 г. Токио, очевидно, в качестве предупреждения, возвратил в "Синюю книгу по дипломатии" исключенное в предыдущем году упоминание о принадлежности южных Курил, с формулировкой "острова, на которые распространяется суверенитет Японии"[27]. Кроме "игры" дипломатического ведомства, есть и более вызывающий дискурс поборников идеи немедленной передачи островов Японии, которые представляют собой маргинальную, но крикливую группу националистов, устраивающих немноголюдные, однако резонансные митинги у российского посольства в Токио[28]. Сейчас, тем более на фоне принятия соответствующих поправок к Конституции РФ, не просматривается альтернативы продолжительным кропотливым усилиям в работе по выведению российско-японских отношений из тупика.

Некоторые итоги

Анализ дискурса дает возможность разложить на сегменты спектр "понимания военной истории" по принципу разделения оценочных нарративов

[25] В МИД прокомментировали вопрос заключения мирного договора с Японией. – *РИА Новости*. 10.07.2020. URL: https://ria.ru/20200710/1574162613.html (accessed 11.08.2020).

[26] Кошкин А. Посол России в Токио извинения за поведение Маруямы принял, осадок остался. – *Regnum*. 30.05.2019. URL: https://regnum.ru/news/polit/2638460.html (accessed 11.08.2020).

[27] В МИД Японии заявили о неизменности своей позиции по Курилам и мирному договору с Россией. – *Итар-ТАСС*. 22.05.2020. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8537903 (accessed 11.08.2020).

[28] Такой была и акция протеста у дипмиссии России, привязанная к 75-й годовщине вступления СССР в войну против Японии. Чуть ранее в социальных сетях Японии активно осуждалась церемония открытия на Кунашире 5 августа 2020 г. российского аварийно-спасательного центра МЧС, у которого расположили каменную плиту со словами императора Николая I: "Где раз поднят русский флаг, там он спускаться не должен". См. "Верните Курилы!": у российского посольства в Токио устроили "развязный" протест. – *Царьград*. 09.08.2020. URL: https://tsargrad.tv/news/vernite-kurily-u-rossijskogo-posolstva-v-tokio-ustroili-razvjaznyj-protest_272567 (accessed 11.08.2020).

"справедливой / несправедливой войны" и "справедливых / несправедливых актов войны" [Zou Yi 2019: 134]. Так, можно представить четыре ключевых сегмента носителей японских военных нарративов:

1) левые либералы утверждают, что "война была несправедливой" и к тому же были "несправедливы военные действия";

2) либерально ориентированный сегмент использует ту же комбинацию, но дает размытую интерпретацию японской ответственности за войну, фокусируясь главным образом на виктимности нации;

3) умеренные консерваторы утверждают, "война была справедливой" (или точнее: "можно найти оправдания войне"), но признают военные действия "несправедливыми";

4) националисты оправдывают и цели войны, и характер боевых действий.

Вместе с тем независимо от различий в общих оценках войны в рассмотренном дискурсе превалируют убеждение в сговоре держав-победительниц против Японии, искусственном навязывании Японии стереотипа вины, в том, что ответственность за войну в Тихоокеанском регионе лежит не только на Японии, в необходимости выхода Японии из "послевоенного периода" и возвращении национальной гордости.

Судя по интервью с коллегами и дискуссиям в Токио летом 2020 г., все больше японцев исходят из того, что мир изменился и настала пора исправить "историческую несправедливость", допущенную в отношении Японии, которая пострадала в результате совершенного за ее спиной "закулисного сговора" между союзными державами, частью которого была и "советская агрессия". Начался переход к новым ценностно-смысловым кодам, которые национальное сознание использует для дешифровки нарративов прошлого. Провозглашенный Абэ и его окружением курс на подведение черты под послевоенной эпохой аргументируется необходимостью обретения статуса "обычной страны" и избавления от клейма "вражеского государства" (подробнее см. [Чугров, Карелова 2020]).

Для японцев пересмотр акцентов в историческом нарративе очень важен. Япония оказалась с начала 1990-х годов в состоянии экономического и идейного застоя. В то же время над ней все больше нависает тень растущего Китая. Чтобы обозначить вектор нового рывка в условиях угрозы китайской гегемонии, национальное сознание ищет новые точки опоры для уточнения идентификационной матрицы, которое позволило бы двигаться вперед.

Сегодня очевидна безуспешность попыток "перевоспитать" другие нации, подогнать чужую идентичность "под свой аршин"[29]. Но остается возможность целенаправленно стремиться понять "другого", понять его мотивы. Японские политологи озабочены поисками этих путей, что включает постоянные конструктивные усилия массмедиа, использование "мягкой силы", и все это – помноженное на заинтересованность сторон и взаимное признание ошибок прошлого в рамках того, что допускает собственная идентичность. В конце концов, если массовому сознанию японцев удалось примириться с бывшим архиврагом, Америкой, почему это не может стать прецедентом для примире-

[29] У Верховного командования союзных сил, заложивших в 1945-1946 гг. основы для кардинальных изменений в сознании японцев, такое "перевоспитание" частично удалось с помощью жесточайшего контроля. Но оккупационный режим имел дело с необычайно пластичным материалом и сломленной волей. В нынешней реальности такое уже невозможно.

ния с Китаем и Кореей? [Косугэ 2005: 210-211]. "Примирение" – это ключевое слово метанарратива для большого кластера историков.

На основе дискурс-анализа "военных нарративов" можно сделать и некоторые выводы для России:

1) В связи с тенденцией к переосмыслению истории Второй мировой войны сегодняшний японский дискурс не является частью антироссийской кампании, как это происходит в ряде западных стран. Россия в этом контексте выступает в массовом сознании как одна из стран-победительниц, участвовавших в "коллективном сговоре" против Японии.

2) Российским дипломатам и экспертам предстоит понять, что для японского общества крайне важно новое осмысление своей идентичности и формирование нового взгляда на итоги войны, исходя из интересов дальнейшего развития собственной страны. Для этого японцам необходимо преодоление внешнего имиджа страны, совершившей преступления против человечности и пораженной в правах, а также внутреннего комплекса коллективной вины, неуважения и недоверия к государству.

3) В принципе для России по большей части японский взгляд на многие военные события является относительно приемлемым, поскольку он не направлен на формирование стойкого русофобского консенсуса, как на Западе.

Если взглянуть на комплекс проблем в целом, то заметно, что в регионе (и в мире) сместилась точка пересечения осей реальных событий истории и политического восприятия результатов войны. Не имея моральных ориентиров в настоящем, мы не можем дать адекватную для данного момента оценку прошлому (в шутке, что СССР – это страна с непредсказуемым прошлым, доля шутки гораздо меньше, чем нам казалось раньше). Полностью могу согласиться с суждением историка Хосоя Юити, высказанном в монографии, вышедшей в июле 2020 г.: "Неосуждающее других понимание прошлого, настоящего и того, как они пересекаются, есть предпосылка надлежащего подхода к разрешению проблемы исторической памяти" [Hosoya 2020: 159]. Добавлю, что сложность (и подспорье) для политолога и историка заключается в том, что оценки прошлого вовсе не обязательно должны упираться и жесткую дихотомию полюсов противоположных суждений, а их можно выбрать из множества точек непрерывного континуума между ними, опираясь на моральные или прагматические (политические) ориентиры.

Премьер Абэ предлагает преодолеть барьер инерции и перейти к политическому "активизму" на базе укрепления национальных символов [цит. по: Фукиура 2020]. Сейчас мы являемся свидетелями *нарастания в Японии националистических настроений* как естественного процесса уточнения идентичности. Можно предположить, что едва ли они смогут переродиться в нецивилизованные формы, учитывая систему сдержек и противовесов, существующих в структуре японской власти. Однако дрейф в сторону националистических идей сам по себе показателен.

Проблемы прошлого регулируются колебаниями процессов стабилизации/дестабилизации в настоящем. Но сейчас в массовой исторической памяти активирован режим "пацифизма", и нация дисциплинированно реагирует на "мирные импульсы", не пытаясь в массе вникнуть в сложную суть проблем и довольствуясь вектором, обозначенным массмедиа и соцсетями. Мы видим, как на наших глазах нарастает протест нового поколения – и в Японии,

и вообще на Западе – в виде уточнения идентичности, стремления выйти из текущего состояния усложняющегося социума. И это в целом нормальный процесс переформатирования системы ценностей и национального сознания.

DOI: 10.17976/jpps/2020.05.03

RETHINKING THE RESULTS OF WORLD WAR II IN CONTEMPORARY JAPAN

S.V. Chugrov[1]

[1]*Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). Moscow, Russia*

CHUGROV, Sergey Vladislavovich, Dr. Sci. (Soc.), Professor, MGIMO University, email: new-polis@politstudies.ru

Chugrov S.V. Rethinking the Results of World War II in Contemporary Japan. – Polis. Political Studies. 2020. No. 5. P. 22-45. https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.03

Acknowledgements. The study was funded by RFBR and EISR according to the research project No. 20-011-31262 "Contemporary Reinterpretation of WWII History in Japan in the Context of the Changing Political Landscape in East Asia and Russia's National Interests".

Received: 15.07.2020. Accepted: 10.08.2020.

Abstract. The 75th anniversary of the termination of the WWII is a historic frontier marked by the coming of age of generations who had no personal experience of the war, as well as by the crisis of the Yalta-Potsdam system of international relations (IR). The focus of this study is the process of rethinking the outcome of the Second World War in Japan as a part of the emerging global trend towards the destruction of the common understanding of the military past. The analysis is aimed at a comprehensive understanding of the mutual influence of the change of modality of thinking and the formation of a new configuration of political forces in the Asia-Pacific region, including in terms of the perspective of Russian-Japanese relations. The relevance of the topic lies in the fact that the change in perception of military history in different countries, the conflicting narratives are an important indicator of existing and brewing contradictions and crises in IR. In this regard, the study of the perception dynamics of the military past is of a particular interest. Understanding the substance of these metamorphosis can have predictive value and contribute to the building of an effective Russian policy vis-à-vis Japan as a whole facing a complex geopolitical reality and growing instability in IR. In addition, the analysis of East Asian realities has expanded the conceptualization of the historical past falsification. The results of the discourse analysis are supported by the survey of 166 students on the problem of their attitude to the war outcomes during a semester (April – July 2020) as a visiting professor at Soka University (Tokyo) showing that in the national consciousness there was a "mutual settlement of Pearl Harbor and Hiroshima-Nagasaki".

Keywords: Russia, World War II, Japan, USA, Asia-Pacific, historical memory, social and political consciousness, world order, world politics, Russia-Japan relations.

References

Fukuoka K. 2013. Memory, Nation, and National Commemoration of War Dead: A Study of Japanese Public Opinion on the Yasukuni Controversy. – *Asian Politics & Policy*. Vol. 5. No. 1. P. 27-49. https://doi.org/10.1111/aspp.12015

Harmsen P. 2020. *War in the Far East. Vol. 2. Japan Runs Wild. 1942-1943.* London, Oxford: Casemate Publishers.

Hirsch M. 2008. The Generation of Postmemory. – *Poetics Today*. Vol. 29. No. 1. P. 103-128.

Hosoya Yu. 2020. Historical Memory and International History. A Guide for Further Reading. – *History, Memory and Politics in Postwar Japan*. Ed. by Iokibe Kaoru, Komiya Kazuo, Hosoya Yuichi, Miyagi Taizo. London: Lynne Rienner Publishers, Boulder. P. 149-160.

Koyama H. 2018. *On the Persistence of the Japanese "History Problem." Historicism and the International Politics of History.* London, New York: Routledge.

Onuma Ya. 2002. Japanese War Guilt and Postwar Responsibilities of Japan. – *Berkeley Journal of International Law*. Vol. 20. No. 3. P. 600-620.

Orr J. 2001. *The Victim as Hero: Ideologies of Peace and National Identity in Postwar Japan*. Honolulu: University of Hawai'i Press.

Truman H. 1986. *Year of Decisions*. Boston: Da Capo Press

Yoshida T. 2006. *The Making of the "Rape of Nanking": History and Memory in Japan, China, and the United States*. New York: Oxford University Press.

Zou Yi. 2019. *Japanese War Memories and Sino-Japanese Relations from 1972 to 2017. Textbooks, Museums and the Debates over History*. Tokyo: Tokyo University of Foreign Studies.

Batakova A.A. 2017. *Problemy istoricheskogo proshlogo v otnosheniyakh Yaponii gosudarstvami Vostochnoi Azii* (konets 20 – nachalo 21 vv.). Dissertation. ... Moscow: MGIMO. (In Russ.)

Chugrov S.V., Karelova L.B. 2020. Japan as a "Normal Country": Metamorphoses of Political Identity (Review and Analysis of Public Opinion Polls). – *Sotsiologicheskiy Zhurnal*. Vol. 26. No. 1. P. 87-108. (In Russ.) https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.1.7054

Fedorova M.M. 2020. Memorial Phenomenon and Crisis of Historical Consciousness of Modernity. – *Voprosy Filosofii*. No. 6. P. 38-42. (In Russ.)

Schnirelman V.A. 2016. Social Memory and Images of the Past. – *The New Past*. No. 1. P. 100-129. (In Russ.)

Sovremennaya politicheskaya nauka: Metodologiya. 2019. [Modern Political Science: Methodology]. Ed. by O.V. Gaman-Golutvina, A.N. Nikitin. 2nd ed. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)

Strel'tsov D.V. 2015. Viktimnost' kak chast' poslevoennoi identichnosti Yaponii [Victimization as Part of Japan's Post-War Identity]. – *Rossiiskoe yaponovedenie segodnya: k 20-letiyu Assotsiatsii yaponovedov* [Russian Japanese Studies Today: To the 20th Anniversary of the Association of Japanese Studies]. Moscow: IDV RAN. P. 38-45. (In Russ.)

Литература на русском языке

Батакова А.А. 2017. *Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии государствами Восточной Азии (конец XX – начало XXI вв.)*. Дисс. ...к.и.н. М.

Федорова М.М. 2020. Мемориальный феномен и кризис исторического сознания модерна. – *Вопросы философии*. № 6. С. 38-42.

Современная политическая наука: Методология. Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной и А.Н. Никитина. 2019. 2-е изд. М.: Аспект Пресс.

Стрельцов Д.В. 2015. Виктимность как часть послевоенной идентичности Японии. – *Российское японоведение сегодня: к 20-летию Ассоциации японоведов*. М.: ИДВ РАН. С. 38-45.

Чугров С.В. Карелова Л.Б. 2020. Япония как "обычная страна": метаморфозы политической идентичности (аналитический обзор опросов общественного мнения). – *Социологический журнал*. Т. 26. № 1. С. 87-108. https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.1.7054

Шнирельман В.А. 2016. Социальная память и образы прошлого. – *Новое прошлое*. № 1. С. 100-129.

Литература на японском языке

安倍信三。美しい国へ。 [Абэ Синдзо. Уцукусий куни-э (К красивой стране)]. Токио: Бунсюн синсё. 2006.

有馬哲夫。ヤルタ会議の闇. [Арима Тэцуо. Ярута кайги-но ями. Хоппо рёдо ва коситэ усинаварэта (Закулисный сговор на Ялтинской конференции. Как были потеряны северные территории)]. – *Синтё*. 2015. Т. 45. №. 2. С. 104-108.

有馬哲夫。歴史問題の正解。[Арима Тэцуо. Рэкиси мондай-но сэйкай (Правильное понимание вопросов истории)]. Токио: синтёся. 2016.

上島嘉郎。反日メデイアの正体。 [Камидзима Ёсиро. *Ханнити мэдия-но сётай* (Истинное лицо антияпонских СМИ)]. Токио: Кэйэй кагаку сюппан. 2019.

小菅信子。戦後和解 — 日本は「過去」から解き放たれるのか。 [Косугэ Нобуко. *Сэнго вакай – Нихон ва "како" кара токиханатарэру но ка* (Послевоенное примирение – Освободилась ли Япония от прошлого?)]. Токио: Тюко синсё. 2005.

倉山満。お役所仕事の大東亜戦争。なぜ日本は敗戦国のままなのか。 [Кураяма Мицуру. О-якудзё сигото-но Дайтоа сэнсо. Надзэ Нихон ва хайсэнкоку-но мама на но ка (Великая восточноазиатская война бюрократии. Почему Япония остается побежденной страной?)]. Токио: Сансай буксу. 2015.

倉山満。真実の日米開戦。隠蔽された近衛文麿の戦争責任。 [Кураяма Мицуру. *Синдзицу-но нитибэй кайсэн. Импэйсарэта Коноэ Фумимаро-но сэнсо сэкинин* (Правдивая история начала войны между Японией и США. Сокрытая военная ответственность Коноэ Фумимаро)]. Токио: Такарадзимася. 2017.

長勢了治。シベリア抑留－日本人はどんな目に遭ったのか。 [Нагасэ Рёдзи. *Сибэрия ёкурю. Нихондзин ва донна мэ ни атта но ка* (Сибирский плен. С чем столкнулись японцы?)]. Токио: Синтёся. 2015.

大沼保昭、聞き手　江川紹子。「歴史認識」とは何か・対立の構図を超えて。 [Онума Ясуаки, Эгава Сёко. *"Рэкиси нинсики" то ва нани ка? Тайрицу-но кодзу-о коэтэ* (Что такое "историческое сознание"? За рамками картины противоречий)]. Токио: Тюо корон синся. 2015.

鈴木智之。 ある生存の記録。戦後日本における市民意識の形成。浜日出夫編 [Судзуки Тококюки. Ару сэйдзон-но кироку (Хроники одной жизни). — *Сэнго Нихон-ни окэру исики-но кэйсэй* (Формирование гражданского сознания в послевоенной Японии). Хама Хидэо (ред.)]. Токио: Кэйо гидзюку дайгаку сюппанкай. 2007.

竹田恒靖。アメリカの戦争責任－戦後最大のタブーに挑む。 [Такэда Цунэясу. *Амэрика-но сэнсо сэкинин. Сэнго сайдай-но табу-ни идому* (Ответственность Америки за войну. Вызов самому большому послевоенному табу)]. Токио: PHP синсё. 2015.

田辺はじめ。懺悔道としての哲学。 [Танабэ Хадзимэ. *Дзангэ до то ситэ-но тэцугаку* (Философия как путь покаяния)]. Токио: Иванами бунко. 2019.

田中英道。新しい日本史観の教科書。 [Танака Хидэмити. *Атарасий нихонсикан-но кёкасё* (Учебники с новым взглядом на историю)]. Токио: Бидзинэсуся. 2019.

富田武。シベリア抑留者への鎮魂歌。 [Томита Такэси. *Сибэриа ёкурюся-э но синкон ута* (Реквием по сибирским интернированным)]. Киото: Дзинбун сёин. 2019.

吹浦忠正。日本の国旗、知らない話。 [Фукиура Тадамаса. *Нихон-но кокки, сиранай ханаси* (Японский государственный флаг, неизвестная история)]. Токио: Сюфу-но томося. 2020.

橋本明子。日本の長い戦後。敗戦の記憶・トラウマはどう語り継がれているか。 [Хасимото Акико. *Нихон-но нагай сэнго. Хайсэн-но киоку-тораума ва до: катари цугарэтэиру ка* (Долгий послевоенный период в Японии. Как передается травматическая память о проигранной войне?)]. Токио: Мисудзу сёбо. 2017.

長谷川 毅. 暗闘－スターリン、トルーマンと日本降伏 [Хасэгава Цуёси. *Анто – Сутарин, Труман то Нихон кофуку* (Закулисная борьба Сталина с Трумэном и поражение Японии)]. Токио: Тюокорон синся. 2011.

本田良一。日ロ現場史 － 北方領土－終わらない戦後 [Хонда Рюити. *Нитиро гэмба си – Хоппо рёдо ованаранай сэнго* (Нынешняя точка истории – Нескончаемый послевоенный период Северных территорий)]. Саппоро: Хоккайдо симбунся. 2013.

保阪正康。日本人の「戦争観」を問う。昭和歴史から遺言 [Хосака Масаясу. *Нихондзин-но "сэнсо-кан"-о тоу. Сёва рэкиси кара юигон* (Каково "отношение японцев к войне". Наследие истории эпохи Сёва)]. Токио: Ямакава сюппанся. 2016.

ヘンリ・S・ストークス / 藤田裕行　訳。戦争犯罪国はアメリカだった！ [Сутокусу Хэнри С. (Stokes H.S.) / пер. Фудзита Хироюки. *Сэнсо хандзайкоку ва Амэрика датта!* (Страной, совершившей военные преступления, была Америка!)]. Токио: Хато сюппан. 2016.

山崎雅弘。歴史戦と思想戦 － 歴史問題の読み解き方。 [Ямадзаки Масахиро. *Рэкиси сэн то сисо сэн – Рэкиси мондай-но ёмитокиката* (Историческая война и идейная война – Как понимать проблемы истории)]. Токио: Сюэйся синсё. 2019.